



# IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059



**VOL.3 № 5**

**2026**

## **O‘ZBEK VA RUS ERTAK AN‘ANALARIDA PARI VA VASILISA PREMUDRAYA OBRAZLARINING QIYOSIY-TIPOLOGIK TAHLILI**

**Abdurashitova Nigora Bobokulovna**

Toshkent gumanitar fanlar universiteti, katta o‘qituvchi, mustaqil izlanuvchi

### **Annotatsiya**

Maqolada o‘zbek ertak an‘analaridagi pari obrazi hamda rus xalq ertaklaridagi Vasilisa Premudraya obrazi qiyosiy-tipologik jihatdan tahlil qilinadi. Tahlil natijasida sinov, o‘zgarish va nikoh motivlari asosida tipologik o‘xshashliklar aniqlanadi, shuningdek, ularning madaniy-mifologik kontekst bilan bog‘liq farqlari ko‘rsatiladi. Tadqiqot natijalari dono sehrli yordamchi arxetipining universalligini, shu bilan birga uning milliy ifodalanish xususiyatlarini tasdiqlaydi.

**Kalit so‘zlar:** qiyosiy-tipologik tahlil, pari, Vasilisa Premudraya, o‘zbek ertaklari, rus xalq ertaklari, ayol obrazlari, aksiologik yondashuv, arxetip, sehr, transformatsiya.

## **СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ПЕРИ И ВАСИЛИСЫ ПРЕМУДРОЙ В УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ**

**Абдурашитова Нигора Бобокүловна**

Ташкентский университет гуманитарных наук, старший преподаватель, независимый исследователь

### **Аннотация**

В статье проводится сравнительно-типологический анализ образов пери в узбекской сказочной традиции и Василисы Премудрой в русских народных сказках. Особое внимание уделяется выявлению общих и национально-специфических черт данных женских образов, их функциональной роли в сюжетной структуре и аксиологическому содержанию. Результаты исследования подтверждают универсальность архетипа мудрой волшебной помощницы при сохранении национальной специфики его художественного воплощения.

**Ключевые слова:** сравнительно-типологический анализ, пери, Василиса Премудрая, узбекские сказки, русские народные сказки, женские образы, аксиологический подход, архетип, волшебство, трансформация.

## **COMPARATIVE-TIPOLOGICAL ANALYSIS OF THE IMAGES OF PERI AND VASILISA THE WISE IN UZBEK AND RUSSIAN FAIRY TALE TRADITIONS**

**Abdurashitova Nigora Bobokulovna**

Tashkent University of Humanities, Senior Lecturer, Independent Researcher

### **Abstract**

This article presents a comparative-typological analysis of the images of peri in Uzbek fairy tale tradition and Vasilisa the Wise in Russian folk tales. The analysis reveals typological similarities related to motifs of trials, transformations, and marriage, as well as differences determined by cultural and mythological contexts. The findings confirm the universality of the archetype of the wise magical helper while preserving its national specificity in artistic representation.

**Keywords:** comparative-typological analysis, peri, Vasilisa the Wise, Uzbek fairy tales, Russian folk tales, female images, axiological approach, archetype, magic, transformation.

Известно, что фольклор разных народов сохраняет устойчивые женские образы, в которых соединяются красота, мудрость, сверхъестественная сила и особая связь с иным миром. К числу таких образов относятся пери в узбекской и Василиса Премудрая в русской волшебной сказке. Несмотря на принадлежность к разным культурным системам, оба образа обнаруживают ряд сходных признаков: чудесные способности и особые знания, помощь герою в преодолении испытаний, а также связь с мотивами превращения, скрытого облика и волшебного брака. Известный русский фольклорист Б.Н. Путилов о волшебных женских образах в сказках писал, что «в мифах, сказках, эпосе разных народов известен образ женщины-чародейки, привораживающей мужчин и затем умерщвляющей их либо превращающей их в животных...» [1:25]. Таким образом, сопоставление узбекского образа пери и русского образа Василисы Премудрой позволяет выявить

не только внешние совпадения, но и более глубокое типологическое родство, проявляющееся в сюжетных функциях, мотивной структуре и семантике этих персонажей.

**Методы и методология.** Актуальность исследования определяется возрастающим интересом к сравнительному изучению фольклорных образов в разных национальных традициях. На наш взгляд, такое сравнение важно, так как помогает рассмотреть женский волшебный образ не как частный элемент отдельной сказки, а как часть более широкого повествовательного нарратива.

Предмет исследования составляют сюжетные функции, мотивная структура, волшебные свойства и смысловая нагрузка образов пери и Василисы Премудрой в системе сказочного повествования. При этом особое внимание уделяется мотивам чудесного происхождения, превращения, помощи герою, мудрости, красоты и связи с иным миром.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий между образами пери и Василисы Премудрой, а также в определении их места в системе типологически близких женских волшебных персонажей фольклора. Методологическую основу работы составляют сравнительно-типологический, структурно-семантический и мотивный методы анализа. Применение этих методов позволяет рассматривать образы не изолированно, а в системе фольклорных связей, выявляя как универсальные, так и национально-специфические особенности. Сравнительный подход в данном случае особенно продуктивен, поскольку он позволяет увидеть, каким образом сходные архетипические представления получают различное художественное воплощение в узбекской и русской традициях.

**Обзор литературы.** Проблеме женского волшебного образа был посвящён ряд работ таких учёных, как В.Я. Пропп, исследовавший мотивы сказок с образом Бабы-яги [2:69]. Ряд русских фольклористов, в частности Б.Н. Путилов и Ф.В. Миллер, рассматривали женские образы в своих трудах по русскому фольклору [3:239]. Е.М. Мелетинский изучал героиню волшебной сказки в образе падчерицы [4:108]; Е.С. Новик посвятила свою работу типологизации образов волшебной сказки [5:34]; Г.П. Снесарёв в исследовании, посвящённом верованиям древнего Хорезма, рассмотрел происхождение антропоморфных существ, таких как пери [6:28], и т.д. Наряду с этим примечательны работы узбекских фольклористов, таких как О.С. Каюмов, посвятивший своё диссертационное исследование образу пери в узбекском эпосе [7:25], а также А. Муминовой, работа которой посвящена женским образам в узбекских народных сказках в реалистическом и романтическом аспектах [8]. Анализ трудов, посвящённых женским волшебным образам в русском и узбекском эпосе, позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительное количество исследований по данной проблематике, до настоящего времени отсутствует фундаментальный труд, посвящённый сравнительному анализу волшебных архетипических образов на примере пери и Василисы Премудрой.

**Результаты исследования.** Сопоставление пери и Василисы Премудрой открывает перспективу для более полного осмысления типологических связей между различными фольклорными системами и позволяет по-новому взглянуть на природу женского волшебного образа в сказке. В начале рассмотрим образ пери в узбекских сказках.

По мнению Г.П. Снесарёва, «пари является не менее популярным персонажем хорезмского пандемониума. Представление об этом духе характерно своей двойственностью: пари могут и вредить людям, и благожелательно к ним относиться, вступая с ними иногда в весьма близкие отношения. Когда хотят подчеркнуть их злое начало, говорят джин-пари, объединяя, таким образом, пари с заведомо вредоносными духами. Пари по большей части антропоморфны; нередко они представляются в образе красивых девушек или юношей, но могут принимать вид животного, птицы, пламени» [6:30].

Образ пери занимает заметное место в системе персонажей узбекской волшебной сказки. В народном повествовательном сознании пери выступает как существо необычной природы, соединяющее в себе внешнюю человеческую красоту, сверхъестественную силу и принадлежность к иному, чудесному миру. В отличие от обычных земных героинь, пери с самого начала выделяется своей исключительностью: она появляется в пограничных пространствах, связанных с тайной, испытанием и чудом, обладает особыми магическими способностями и нередко становится для героя проводником в сферу сверхъестественного. В энциклопедическом справочнике «Женщина в мифах и легендах» О.И. Валянской говорится: «пари (пэри), в иранской, тюркской и арабской мифологии — дух. Постепенно образ П. проник в мифологию тюркоязычных народов. Пэри (пари, пери) предстаёт в антропоморфном и зооморфном обликах. Доброжелательные П. являются в

образе красивых птиц, бобра или неядовитых змей, лягушек, иногда хищных зверей (тигра). В антропоморфном же облике — в виде красивой девушки или молодой женщины в белой, синей или красной одежде, иногда юноши или мужчины» [9:209].

Одной из важнейших черт данного образа является его двойственная природа. С одной стороны, пери антропоморфна. Она описывается как прекрасная девушка, наделённая умом, речью, эмоциональной отзывчивостью и способностью вступать в близкие отношения с человеком. С другой стороны, её сущность не сводится к человеческой. Она принадлежит иному миру, а потому сохраняет черты существа, стоящего выше обычного порядка вещей. Именно эта двойственность делает образ пери особенно значимым для сказочного сюжета, то есть она не просто украшает повествование, а воплощает встречу героя с чудесным началом. Профессор Б. Саримсоков пишет: «Согласно мифологическим представлениям узбекского народа, пери живут в далёкой стране, куда не может ступить нога человека. В народных сказках эта страна называется Кухи-Коф. Пери в основном имеют человеческий облик, бывают необычайно красивыми и одновременно способны принимать различные облики — у узбеков чаще всего превращаться в голубей разных цветов и никогда не умирают» [10:139].

В узбекских народных сказках, а также в дастанах, часто встречаются образы пери, связанные с именем «Гул» («Цветок»). Одну из возлюбленных Гороглы называют Гульнар-пери за её красоту и способность творить чудеса. Когда Гороглы проигрывает в бою за свою возлюбленную, Гульнар-пери летит на крыльях в волшебную страну Чамбиль и приводит оттуда дивов [11].

В узбекских сказках пери чаще всего связана с мотивами необыкновенной красоты, недоступности и избранности. Её красота имеет не только эстетическое, но и семантическое значение, то есть пери является персонажем иной природы. Красота пери в сказочном тексте означает её принадлежность к сфере исключительного, идеального и чудесного. Герой, встретивший пери, сталкивается не просто с прекрасной женщиной, а с существом, которое нарушает границы привычного мира и переводит действие в пространство испытания и волшебства. Например, в сказке «Гулкахках» пери «так прекрасна и божественна, что при смехе у неё изо рта падают благоухающие цветы» [12:120].

Человеческий облик — основной внешний вид пери. Главной отличительной чертой образа пери в таком облике является чрезмерная красота. Обычно такие пери представляются в виде чрезвычайно прекрасных, красивых как луна девушек или совершенных юношей; в некоторых случаях — в образе уродливого существа. Г.П. Снесарёв считает антропоморфный облик основным обликом пери. По словам Б.А. Литвинского, то, какой именно вид принимает антропоморфный облик пери, зависит от их характера. «То есть пери с добрыми намерениями являются в образе красивой девушки, прекрасных женщин, одетых в белую, синюю или красную ткань, а также в виде молодых юношей и зрелых мужчин. Пери же со злыми, дурными намерениями представляются как безобразные, непривлекательные девушки или как уродливые старухи в грязной, покрытой коркой одежде, в лохмотьях наподобие Бабы-яги» [13:90].

С образом пери тесно связаны мотивы превращения и скрытого облика. Способность к изменению внешности указывает на её сверхъестественную сущность и на свободу по отношению к устойчивым формам человеческого существования. Пери может быть скрыта под иным обликом, неожиданно исчезать, появляться в недоступных местах, а также воздействовать на внешний мир с помощью магической силы. Благодаря этому она оказывается существом пограничным, то есть пери одновременно присутствует в человеческом мире и в то же время не принадлежит ему полностью. Мотив превращения делает образ пери внутренне динамичным и сближает его с древними мифопоэтическими представлениями о женском существе, способном переходить из одной формы в другую. В узбекских сказках пери могут являться в образе голубя, лягушки, собаки, коня, орла и т.д. В сказке «Булбулигуё» пери поочерёдно превращается то в коня, то в обезьяну [12].

Не менее важной является функция пери как помощницы героя. В узбекской сказочной традиции она нередко выступает не пассивным объектом любви, а активной участницей событий. Пери помогает герою выйти из трудного положения, предупреждает об опасности, скрывает его от врагов, даёт совет, направляет его действия или прямо использует волшебную силу ради его спасения. Такая функция позволяет рассматривать её как носительницу высшего знания и особой мудрости. В этом отношении пери оказывается не только прекрасной возлюбленной, но и героиней, обеспечивающей развитие сюжета и успешное преодоление испытаний. В сказке «Булбулигуё» герой при помощи пери выполняет различные эпические задания. Пери всюду сопровождает героя,

поднимает его на своих крыльях и переносит через непреодолимые горы, своей магией выручает героя из трудной ситуации [12].

В ряде сказок, таких как «Хуршид и Лайло», «Ахмады», «Тилла тарок», пери выступает также как чудесная супруга героя. Этот мотив особенно важен для понимания её образа, поскольку именно в брачном союзе раскрывается сложность её природы. С одной стороны, она вступает в отношения с человеком, что приближает её к миру людей и делает возможным сюжет о любви, верности и семейном испытании. С другой стороны, её связь с иным миром не исчезает, а потому такой союз всегда оказывается необычным, внутренне напряжённым и потенциально хрупким. Чудесная супруга в сказке часто требует от героя нравственной зрелости, терпения, верности и умения соблюдать определённые условия. Тем самым образ пери становится не только образом помощницы, но и своеобразной формой испытания героя [12].

Среди узбекского народа широко распространены легенды и сказки, связанные с тем, как пери влюбляются в людей, описанием их совместной жизни, а также с покровительством пери. Сюжет фольклорных произведений на такую тему обычно строится следующим образом: человек видит пери и влюбляется в неё. Пери ставит перед человеком определённое условие — табу; когда табу нарушается, пери покидает своего мужа и детей и т.д.

В волшебных сказках «Ойпари» и «Кирон ботир» функция пери как пленницы проявляется в следующих формах: пери — пленница героя; пери — пленница дива; пери — пленница дракона; пери — пленница старухи-ялмогыз. То, что в сказках пери выступают в роли персонажей, обречённых на плен, имеет и определённую социальную основу. Ведь природная слабость женщины, её неспособность активно противостоять гнёту угнетателей были перенесены в поэтическую природу мифологического образа. Благодаря этому в эпической действительности жизненная правда получила своё художественное выражение.

Исторические основы мотива, в котором пери выступает как пленённый персонаж, восходят к древним мифологическим представлениям о борьбе добра и зла. По мнению О.С. Каюмова, «пери является поэтическим символом сил добра. Соответственно див, ялмогыз и дракон, пленившие пери, являются символами сил зла. Пери, обречённая на плен, выступает как символ мира добра, а герой, освобождающий её из заточения, является художественным аналогом мифологического демиурга, борющегося за спасение космоса от нашествия хаоса. Именно поэтическая диффузия этих мифологических представлений создала эпическую основу мотива пленения пери» [7:137].

Свойственные образу пери коварство и хитрость являются одним из признаков её мифологической природы — признаком обладания магической силой. Эпические трактовки хитрости пери по своей семантической основе и художественному истолкованию делятся на два типа: во-первых, хитрость жизненно-бытового характера (сказка «Одилбек и Хуррамбек»), во-вторых, хитрость магики-мифологического характера (сказка «Той излаган киз» («Девушка в поисках лошади»)). По своей функции хитрость также может преследовать цель освобождения из плена или же намерение враждовать с героем.

В сказке «Одилбек и Хуррамбек», когда старший брат героя сознательно отправляет Одилбека на тот свет, он остаётся жив благодаря находчивости и хитрости пери. Пери поднимает героя из пылающего огня и уносит его в небо. Когда люди расходятся, она тайно приносит его домой. Спустя сорок дней она засыпает Одилбека пеплом и показывает его придворным сановникам. Герой приходит к своему брату и говорит: «На том свете наш отец оказался шахом, он спрашивал о вас» [12:229]. Хуррамбек бросается в большой пылающий костёр и отправляется на тот свет. Благодаря хитрости пери герой остаётся жив и достигает своей цели. В этой сказке использование хитрости пери выполняет функцию средства спасения героя и избавления от угнетателей. Хитрость мотивируется как явление, осуществившееся благодаря тому, что пери обладает колдовством и магией. То, что пери как хитрый и коварный персонаж выступает в различных функциях, является ещё одним доказательством существования в структуре сказки функционально многослойных образов.

Существует несколько эпических причин превращения пери в покорного, подчинённого персонажа. К примеру, герой спасает пери от гибели и овладевает волшебным предметом, в котором скрыта душа пери. Далее герой женится на пери или же пери отправляется служить герою и т. д. В сказке «Одилбек и Хуррамбек» Одилбек овладевает ключами от замка, в котором скрыта душа пери. Всякий раз, когда он вставляет ключ в замок и поворачивает его, Гулпаризод оказывается готовой

служить ему. Точно так же в сказке «Кирон-батыр» душа пери находится в голубе, который спрятан в коробочке в брюхе рыбы, живущей в реке. Когда герой берёт голубя и начинает сжимать его, перед ним появляется пери. В сказке «Тилла тароқ» мальчик, подобный диву, встречает Ойсулупери. После этого пери указывает герою путь и, помогая ему избавиться от ялмогыз и дивов, превращает героя в воду и помогает ему выбраться из пещеры [12].

Следует отметить, что в узбекской сказочной традиции образ пери может иметь разные степени «очеловеченности». В одних текстах сильнее подчёркнута её фантастическая природа, в других на первый план выходит её эмоциональная близость к человеку, способность любить, страдать, ждать и помогать. Однако даже в тех случаях, когда пери приближена к человеческому облику, за ней сохраняется ореол необычности, который и определяет её сюжетное значение. Она всегда маркирована как исключительный персонаж, выходящий за пределы бытовой нормы. По словам А. Муминовой, в древней мифологии пери изображались как легендарные спасительницы, избавляющие людей от власти злых сил. С течением времени образ пери стал приобретать жизненные черты; они превратились в символ красоты, воплощающий в себе признаки и свойства, присущие обычным людям. «Пери, изображаемые в сказках, какими бы обладательницами волшебной силы они ни были, всё же во многих случаях приобретают человеческие черты» [8:120].

После рассмотрения образа пери в узбекской сказочной традиции, в соответствии с целью и задачами нашей статьи, целесообразно обратиться к анализу образа Василисы Премудрой, избранного в качестве сопоставительного.

Образ Василисы Премудрой занимает особое место в системе женских персонажей русской волшебной сказки. В отличие от героинь бытового плана, связанных с повседневной жизнью и социальными обстоятельствами, Василиса принадлежит сфере чудесного и выступает как носительница особого знания, магической силы и скрытой внутренней власти. Наиболее ярко данный образ раскрывается в таких сказках, как «Царевна-лягушка» и «Морской царь и Василиса Премудрая», в которых героиня соединяет в себе черты прекрасной царевны, мудрой советчицы, чудесной супруги и волшебной помощницы героя. В терминах международного указателя сюжетных типов Aarne–Thompson–Uther сказка «Царевна-лягушка» сочетает признаки двух типов: «ATU 402», связанного с браком героя с невестой в зверином облике, и «ATU 400», описывающего утрату жены и её последующий поиск. Сам указатель ATU представляет собой переработанную версию более ранней системы Aarne–Thompson [15:231].

Одной из важнейших особенностей Василисы Премудрой является сочетание внешней скрытости и внутренней исключительности. В сказочном повествовании она нередко появляется в непривлекательном или униженном облике, который скрывает её подлинную природу. Так, в сюжете о царевне-лягушке за внешним образом лягушки скрывается прекрасная и могущественная девушка. Не менее существенной чертой данного образа выступает мудрость, закреплённая уже в самом имени героини. Василиса именуется Премудрой не случайно. В сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич горюет, что его жена не сможет к утру выполнить задания царя, а именно — сшить рубаху, испечь хлеб и приехать во дворец. Узнав, о чём печалится её суженый, Василиса Премудрая говорит: «Не кручинься, Иван-царевич, утра вечера мудренее» [16:45]. Отсюда видно, что её превосходство над другими персонажами определяется не только красотой и магической силой, но прежде всего знанием, проницательностью и умением действовать в сложной ситуации. Она понимает скрытые законы сказочного мира, знает способы преодоления испытаний и нередко предвидит развитие событий. В этом смысле Василиса выступает не просто как волшебница, а как персонаж, воплощающий высшую форму разумности внутри сказочного пространства.

В структуре сюжета Василиса Премудрая обычно выполняет функцию активной помощницы героя. Именно она берёт на себя решение труднейших задач, с которыми герой не способен справиться собственными силами. Она создаёт чудесные предметы (шьёт рубаху и печёт хлеб), совершает невозможные действия (взмахнув рукавом создаёт озеро и плывущих на нём лебедей), даёт точные указания и тем самым обеспечивает продвижение героя к успеху. Здесь важно подчеркнуть, что её помощь не носит случайного характера, так как она является структурно необходимой для сюжета. Например, в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» морской царь велит герою построить мост за одну ночь, иначе угрожает казнью:

«Идет царевич от водяного, сам слезами заливаётся. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: “О чем, царевич, слезы ронишь?” — “Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный

мост, а я топора не умею в руки взять”. — “Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее”. Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: “Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придет”. Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту — где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь» [16:45]. Отсюда можно сделать вывод, что без Василисы Премудрой герой оказывается недостаточно сильным, недостаточно знающим и недостаточно зрелым для победы. Следовательно, образ героини выражает идею женской волшебной силы как силы созидательной, направляющей и преображающей. Следует также отметить, что образ Василисы Премудрой сохраняет двойственную природу. С одной стороны, она включена в мир царства, брака, семьи и социальной иерархии, то есть принадлежит сказочному человеческому миру. С другой стороны, её способности, происхождение и скрытая сущность выводят её за пределы обыденного. Именно эта двойственность делает Василису особенно важной для сравнительно-типологического анализа, так как она соединяет в себе черты земной царевны и сверхъестественной героини, что сближает её с международным кругом образов чудесной супруги и волшебной помощницы [15].

В связи с этим нужно отметить, что сравнение образов пери и Василисы Премудрой имеет не только описательное, но и типологическое значение. Оно позволяет рассматривать данные персонажи не как случайно сходные женские образы, а как различные национальные воплощения более широкого фольклорного комплекса, связанного с представлениями о сверхъестественной женщине, чудесной супруге и волшебной помощнице героя. К примеру, в узбекских и русских сказках присутствует сходный мотив, связанный с волшебными превращениями пери и Василисы Премудрой. В сказке «Гулуялар и Каландарбек» чёрный див превращает горсть песка в сорок девушек-пери и требует найти среди них возлюбленную героя [12].

Аналогичный мотив присутствует и в русской народной сказке «Морской царь и Василиса Премудрая», где перед героем также стоит задача узнать свою избранницу:

«Выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трех раз одну и ту же — будет она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать» [16:80].

Особенно важно, что обе героини выполняют функцию не только помощницы, но и своеобразного испытания героя. Союз с пери или Василисой Премудрой требует от героя определённых качеств: верности, терпения, доверия, смелости и способности принять необычную природу своей избранницы. В этом проявляется глубокий смысл мотива чудесной супруги. Такая героиня не является простой наградой за подвиг; она сама становится условием духовного и нравственного взросления героя. Через встречу с ней герой проходит путь от незнания к знанию, от внешней активности к внутренней зрелости. В сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич сжигает кожу лягушки, нарушив табу, после чего подвергается ряду испытаний. Аналогично пери в сказке «Кирон ботир» просит героя никому не рассказывать, кто она, однако герой нарушает данный запрет и, потеряв свою возлюбленную пери, отправляется на её поиски [12; 16].

Вместе с тем типологический подход не отменяет национальной специфики образов. Напротив, он позволяет точнее увидеть, каким образом общая фольклорная модель получает различное художественное выражение в узбекской и русской сказочной традиции. В образе пери сильнее подчеркнуты фантастическая природа, принадлежность к иному миру, волшебная красота и сверхъестественная свобода. В образе Василисы Премудрой на первый план выходят мудрость, скрытая чудесность, испытательная функция и связь с мотивом заколдованной или скрытой царевны. Следовательно, типологическое сходство проявляется не в полном совпадении образов, а в их структурной и смысловой близости.

Далее в таблицах представлены сходства и различия в образах пери и Василисы Премудрой на основе узбекской сказки «Джигит и пери» и русской волшебной сказки «Царевна-лягушка».

**Таблица № 1**

Поэтический	Образ пери	Образ Василисы Премудрой
-------------	------------	--------------------------

<b>признак образа</b>		
Связь с волшебным миром	Живёт в пещере, то есть изначально принадлежит к волшебному миру.	Скрыта под лягушечьей кожей, а после её утраты уходит «за тридевять земель», что подчёркивает её связь с иным миром.
Скрытый или двойной облик	Для других людей она видна как кошка, а для героя остаётся прекрасной пери.	Внешне она лягушка, но на деле — Василиса Премудрая, которая сбрасывает кожу и становится «душой-девицей».
Исключительная красота	Уже при первой встрече названа «прекрасной пери»; позже её красота «озаряет» юрту.	На пиру она появляется как необыкновенная красавица и поражает всех гостей.
Активная помощь герою	Не просто сопровождает героя, а руководит его действиями: велит привести пери, которые пекут лепёшки и шьют одежду.	Выполняет невозможные задания царя: готовит рубашку, хлеб и ковёр лучше других невесток.
Магическая сила	Превращает героя в цветок, чтобы спрятать его от опасности.	Творит чудеса на пиру и после сожжения кожи оборачивается белой лебедью.
Чудесная супруга героя	Живёт с джигитом «как муж и жена», то есть входит в сюжет как сверхъестественная супруга.	Иван-царевич женится на лягушке, которая оказывается Василисой Премудрой; после утраты он отправляется на поиски жены.

Отсюда видно, что несмотря на различие культурного происхождения и жанрового окружения, пери и Василиса Премудрая принадлежат к кругу женских волшебных персонажей, чья функция в сказочном повествовании выходит далеко за пределы роли пассивной красавицы или формальной невесты героя. Их объединяет связь с чудесным миром, обладание особой силой и знанием, способность влиять на судьбу героя и активное участие в развитии сюжета.

**Таблица 2**

<b>Основание различия в образах</b>	<b>Пери</b>	<b>Василиса Премудрая</b>
Статус образа	Изначально выступает как существо иного мира.	Представлена как героиня со скрытой чудесной сущностью; старик объясняет, что она была наказана и «велено ей три года квакушею быть».
Отношение к миру людей	Её союз с героем долго остаётся скрытым; для окружающих она не раскрывается в подлинном облике.	Её чудесность в конце концов открыто проявляется при дворе, на пиру и в системе царских испытаний.
Основной смысловой акцент	Сильнее подчёркнуты инаковость, загадочность и волшебная красота. Это соответствует и общему описанию образа пери в узбекских сказках и дастанах.	Сильнее подчёркнуты мудрость, мастерство и способность решать задачи, что заложено уже в именовании «Премудрая».
Тип превращения	Превращение выглядит более свободным и естественным свойством самой пери: она меняет восприятие своего облика и превращает героя.	Превращение связано прежде всего с лягушечьей кожей и запретом, который герой нарушает, сжигая её.
Пространство действия	Основные места — пещера, юрта, скрытое жилище, то есть более интимное и тайное пространство.	Основные места — царские палаты, пир, двор, дорога поисков; её история сильнее включена в

		социальный мир сказки.
Характер связи с героем	Союз строится как тайный и закрытый от посторонних взглядов.	Союз проходит через общественное признание, потерю и последующее возвращение к царскому миру.
Отрицательная функция	В некоторых сюжетах пери соперничает и вредит герою (сказка «Гулуялар и Каландарбек»).	Василиса Премудрая всегда на стороне героя, несмотря на то что идёт против своего отца (сказка «Морской царь и Василиса Премудрая»).

Анализ сходств и различий между образами пери и Василисы Премудрой позволяет рассматривать их как типологически близкие варианты женского волшебного персонажа. Общими для обеих героинь являются принадлежность к сфере чудесного, мотив скрытой сущности, магическая компетентность, функция помощницы и участие в сюжетной модели чудесного брака. Однако пери в узбекской сказочной традиции сохраняет более явную связь с иным миром и выступает как существо, изначально отмеченное сверхъестественной природой, тогда как Василиса Премудрая в русской сказке сильнее интегрирована в человеческий и социальный порядок.

**Заключение.** Проведённый сравнительно-типологический анализ позволяет сделать вывод о том, что образы пери в узбекской сказочной традиции и Василисы Премудрой в русской волшебной сказке обнаруживают значительную сюжетно-семантическую близость. Общность данных образов проявляется прежде всего в их связи с иным, чудесным миром. Несмотря на это, сходство между пери и Василисой Премудрой следует понимать не как прямое совпадение или заимствование, а как проявление типологического родства, так как оба образа представляют разные варианты узбекского и русского фольклора. Сравнение данных образов показывает, что в узбекской и русской сказочной традиции женский волшебный персонаж играет важную роль в организации сюжета и в раскрытии идеи духовного преображения героя. Их сопоставление позволяет глубже понять как универсальные закономерности фольклорного мышления, так и национально-культурную специфику узбекской и русской сказочной традиции.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пропп В. Я. Былины: в 2 т. / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. – Москва, 1958.
2. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. – Москва, 1965; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Москва, 1974.
3. Миллер Ф. В. Очерки русской народной словесности / отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2015.
4. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – Москва, 1960.
5. Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. – Москва, 1975.
6. Снесарёв Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – Москва: Наука, 1983.
7. Kayumov O. S. O‘zbek folklorida pari obrazi: filologiya fanlari nomzodi ilmiy darajasini olish uchun yozilgan dissertatsiya. – Toshkent, 1999.
8. Муминова А. Образы женщин в узбекских народных сказках. – Самарканд, 1967.
9. Женщина в мифах и легендах: энциклопедический словарь / avt.-tuzuvchi O. I. Valyanskaya. – Toshkent, 1992.
10. Sarimsoqov B. Epik janrlar diffuziyasi // O‘zbek folklorining epik janrlari. – Toshkent, 1981.
11. Gulnor-pari: doston. – Toshkent, 1965.
12. Oltin beshik. – Toshkent: Adabiyot va san’at nashriyoti, 1988.
13. Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. – Москва, 1981.
14. Ремпель Л. И. Цепь времён // Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1987. – С. 94–95.
15. Uther H.-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. – Helsinki, 2011. – P. 662.
16. Русские народные сказки / сост. А. Н. Афанасьев. – Москва, 2006.